

Глава третья

Даже самые плохавые малявки...

...которые вообще от горшка два вершка, оказывались в центре внимания, когда выводили гулять своих мопсиков и таксиков. И Вовка легко рисовал в своём развитом воображении привлекательную картину: он надевает мохнатый свитер, шапку с помпоном, что бабуля связала, и выходит на бульвар с роскошнейшим невероятным псом. Таким, что все прохожие останавливаются и почтительно осведомляются, какой породы эта необыкновенная собака. А одноклассники, которые сегодня Вовку и не замечают, униженно выпрашивают разрешения хотя б разок её погладить или минуточку подержать за поводок. И Вовка ещё подумает, кому разрешить, а кому нет. Будь тот хоть отличник, хоть кто...

Мечты о собаке были так притягательны, что вытеснили из Вовкиной головы даже Штирлица. И тут выяснилось, что голова-то у него совсем не плохая.

Уроков он, как и прежде, не учил, но поскольку уроки «мотать» перестал, изображая разные болезни, и на занятиях присутствовал, то кое-что в его голову залетало. Постепенно в дневнике перестали гнуть лебединые шеи задумчивые двочки и весело закудрявились тройки, а неизменная пятёрка по пению подкрепилась пятёркой по труду и двумя четвёрками — по физкультуре и рисованию. Так что когда за день до Нового года Вовка торжественно положил перед отцом табель, он был почти уверен, что необыкновенная собака сейчас же вбежит в квартиру.

— Молодец! Можешь ведь, когда захочешь! — сказал отец, подписывая табель с таким удовлетворением, словно он самолично исправил все двойки на тройки. — Старайся и впредь. — И уткнулся в газету.

— Э... — сказал Вовка. — А собаку?

— Какую собаку?

— Но ты же обещал!

— Я?! — вытаращил глаза отец. — При нашей тесноте нам только ещё собаки не хватало.

Вовка усиленно заморгал, пытаясь выдавить слезу.

— Но ты же обещал... — загнусавил он.

И тогда бабуля торжественно достала из-под длинного фартука кошелёк, долго рылась в нём, прикрывая содержимое рукой, и, наконец,

с достоинством английской королевы, выдала Вовке три рубля.

— На, деточка, купи щеночка! Авось не утеснит! Прежде-то и не в такой тесноте живали, а всё дружнее! — И поплыла в свою комнату со словами: — Ни об каком авторитете у ребёнка заботы не имеют! Родители, тоже мне!

— Это чёрт знает что! — взвился как на пружине отец. Он убежал на кухню и яростно захлопнул за собой дверь.

Больше на эту тему никто не произнёс ни слова, и Вовка решил, что собаку купить разрешили.

Глава четвёртая

Резус был Вовкин одноклассник...

...и звали его так, во-первых, за сходство с ма-какой резусом, во-вторых, потому что он мечтал такую макаку завести, и, в-третьих, он был председателем кружка юных зоологов. Вовка потащил Резуса на рынок как специалиста, чтобы не промахнуться с покупкой.

— Мне знаешь какая собака нужна? — втолковывал он Резусу всю дорогу до рынка. — Мне необыкновенная собака нужна! Чтобы все как увидели — с ума посходили! Чтобы ну просто ахнули!

— Бум искать, — в сотый раз отвечал Резус, кутая морковный носик в пуховый шарф: мороз стоял нешуточный.

Но необыкновенную собаку отыскать оказалось нелегко. Необыкновенными на рынке оказались только цены. Никогда Вовка не предполагал, что скулящие, едва разлепившие бессмысленные глазки щенки или котята с трясущимися хвостиками могут стоять так дорого. И уж во всяком случае

больше той трёхи, что была у него в кармане. Конечно, он не подавал виду, и Резус только удивлялся, почему, выпятив нижнюю губу, Вовка надменно говорил:

— Не, это не подойдёт! Ну и что, что чемпион породы?

— Да ты посмотри! — восторгался Резус, вытаскивая за шкурку из корзины что-то пузатенькое, тёпленькое и попискивающее. — Какие лапы! Какие уши! Это же редкость! Это кокер-спаниель!

— Подумаешь! — оттаскивал млеющего приятеля Вовка. — Да их в городе — миллион. Мне уникальная собака нужна.

— Собака Баскервилей ему! — сердито сказал хозяин кокера, пряча щенка под тулуп.

— А это что за порода? Кто вывел? — тут же прилип к нему Резус.

— Шерлок Холмс.

— Сыскная... — с уважением проговорил Резус. Про Шерлока Холмса он уже слышал.

Снова и снова ходили они по рынку между рядами с клетками, в которых щёлкали, весело помаргивали, свистели, скакали канарейки и волнистые попугайчики. Между рядами аквариумов, где в зеленоватой воде среди шустрых пузырьков воздуха парили розовые вуалехвосты, сновали светящиеся гуппи, важно жевали усатыми ртами сомики и неподвижно висели полумесяцы скалярий.

На рыночном дворе притоптывали валенками и клубились паром продавцы собак, кошек, голубей, кроликов, морских свинок, сусликов, хомячков, поросят... Здесь же толклась пожилая белоглазая коза. Она сварливо мекала, сыпала из-под хвоста чёрное драже, жевала задубевшую на морозе клеёнку, покрывавшую пустые прилавки.

— Нужно покупать щенка, пока он маленький, и воспитывать его самому, — долдонил Резус. — А главное, выбирать собаку, близкую себе по характеру.

— Как это?

— Очень просто! Если человек волевой, энергичный, ему, конечно, нужна овчарка. А старенькой бабушке с овчаркой не справиться, ей подойдёт болонка или шпиц...

— А у меня какой характер? — спросил Вовка.

— У тебя? — задумался Резус. — Ну, в общем, какая собака тебе глянется, такой у тебя характер и есть. Тут закономерность! Какая собака — такой ты и сам. Совпадение характеров. Иначе она либо заболит, либо убежит.

Глава пятая

В этот момент Вовка увидел..

...странного мужика и здоровенную разномастную собачину на верёвке. «Вылитый кактус», — подумал Вовка, разглядывая мужика.

Тот действительно был похож на кактус, который уже много лет выращивала мама. Она всё ждала, когда его мясистый пузатый ствол украсится необыкновенным пурпурным цветком.

У мужика же из колючей зверской щетины торчал такой пламенеющий нос, словно кактус, на который натянули гремящие на ветру брезентовые штаны и клетчатый пиджачок, уже зацвёл.

— Э, космонавты! — сказал он, маня мальчишек малиновой сарделькой пальца, тоже покрытого чёрными колючками. — Собачкой не интересуетесь? Имеется оригинальный экземпляр.

Экземпляр сидел на снегу, широко расставив кривые кудлатые лапы, и смотрел на мужика, как оштрафованный пешеход на постового. Изредка он длинно, по-коровьи, вздыхал.

— А какой породы? — спросил Резус, с опаской разглядывая пса и хозяина.

— Ды-ды-ды-доберман! — стуча зубами, ответил продавец.

— Ха! — не поверил образованный Резус. — Доберман гладкошёрстный! А этот вон какой волосатый.

— Сам ты волосатый! — буркнул мужик, скрипя по снегу растоптанными кедами. — Всё-то ты знаешь! Менделеев, тоже мне...

— У добермана морда длинная, а этот вон какой широкомордый, — не унимался натуралист.

— Ба-ба-ба-банан-то вынь! — сказал Кактус.

— Какой банан? — не понял Резус.

— Из уха! — рявкнул Кактус. — Какой же это ды-ды-доберман? Ды-ды-доберман гладкошёрстный, а это? У тебя что, глаз нет? Разве это ды-ды-доберман?

— Но вы же сами сказали...

— Бо-бер-ман! Не ды-ды-доберман, а бо-бо-бо-берман! Сечёшь разницу? Порода такая про-продуктивная. Тьфу, перспективная...

— Я про такую породу никогда не слышал! — загоня очки повыше на фигушку носа, сказал Резус. — Вот доберман — это да! Доберман-пинчер, например...

— Сам ты пи-пи-пинчер! — возмутился Кактус. — Академик нашёлся! Смотрите на него,

породу отличить не может! Смотри сюда! То доберман-пинчер, а это бо-бо-бобер-ман! Совсем другое дело!

— Я про такого не слышал!

— Мало ли что! Порода новая! Бо-бер-ман — на букву «б», понял? Боберман. И не это, не пинчер, а как его... Во! Стюдебекер! Уникальная собачка! На весь город один экземпляр.

— Единственный? — переспросил Вовка.

— Но! Не сойти с места! Второго такого нет, хоть с фонарём ищи! — поклялся Кактус. — Потому и стою тут, как три тополя на Плющихе... Порода уникальная. Продуктивная. Тьфу, перспективная! Никто в ней не смыслит ни шиша. Соображали бы в собаках — с руками бы оторвали! За любые деньги.

Боберман поглядел на Вовку исподлобья. Подвигал мохнатыми бровями и отвернулся. Потерял к мальчишке интерес.

— А что он умеет? — спросил Вовка.

— Что хошь! Чему научишь, то и будет уметь. Он толковый. С ним хоть на охоту, хоть на рыбалку, хоть на выставку. Не подведёт! Одно слово — бо-боберман!

— Так что он, сейчас ещё не обученный? — любопытствовал Резус.

— Ну! Рядовой! — подтвердил Кактус. — Сам же видишь — щенок.

— Так он что, ещё расти будет? — ахнул Вовка.

— Как захочешь, — уверил мужик. — Хошь большую собаку иметь, ну то есть для солидности — корми кашей. Хошь маленькую — не давай ни крошки. Усохнет! Он же этот, как его, стюдебекер, сам понимаешь. — Кактус заговорщицки подмигнул. — В общем, оригинальная собачка! Бери, не пожалеешь! Дёшево отдам.

— За сколько примерно? — приценился Вовка.

— А сколько у тебя есть? — оживился Кактус. Оригинальная собачка тоже заинтересованно подняла морду.

— Три рубля.

— Покажи!

Вовка вытащил трёшку.

— Эх! — торопливо сказал мужик, сгребая деньги. — Себе в убыток. Но уж больно вы мне, космонавты, по душе. Владей!

Он сунул верёвку, заменявшую поводок, оторопевшему Вовке.

— А документы? — слабо вякнул Резус.

— На что ему документы? — удивился Кактус, торопливо пряча деньги в кепку. — У него же вся биография на лице, извиняюсь, на морде написана!

— Для щенков...

— Да ты что, пионер?! Разве щенки от документов заводятся? Гы-гы!

— Вы меня не так поняли... Чтобы породистые были...

— Будут! — утвердил Кактус. — Любые будут! Хошь — бульдоги, хошь — носороги. От этого — любые будут. Ну а сильно подопрёт — в милицию сходи, там ему моментом паспорт оформят. Порода редкая... Привет!

— А зовут-то как? — крикнул Вовка в спину мужику, который уже ввинчивался в толпу.

— Зовут? — выдернулась откуда-то уже издалека, из-за прилавков, его колючая рожа. — Зовут, эта... Герой! Во! Можно по-родственному — Гера. В общем, Георгин!

Глава шестая

— *Странная всё-таки порода...*

...боберман-стюдебекер! — бормотал себе под нос Резус, когда они шли домой. — Никогда про такую не слышал. В профиль на овчарку похож, а если прямо посмотреть — вроде эрдель или боксёр... Лапы-то передние, как у эрделя! Точно! А вот задние? Задние — не знаю, как у кого...

Георгин тащился позади приятелей, как вьючная лошадь, преодолевшая тяжёлый горный перевал, едва не подметая кудлатой мордой истоптанный снег.

Все шавки и волкодавы, выведенные на продажу, завидев бобермана, начинали биться в истерике, а их продавцы застывали с открытыми ртами. «Во как смотрят!» — думал Вовка, всё больше убеждаясь, что не промахнулся в покупке и боберман действительно уникальная собака.

Сам же виновник переполоха совершенно не обращал внимания на шум. Только однажды, когда уж совсем наглая моська подскочила к самому

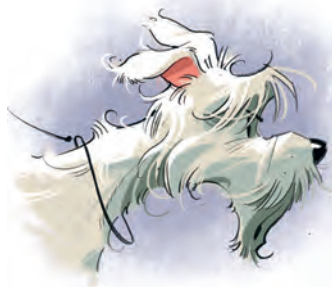
его носу, Георгин остановился и, подняв над зелёным глазом развесистую бровь, по-человечьи мрачно спросил: «Н-н-н-ну?»

Моська, жалобно пискнув, испарилась, а стюдебекер тяжело вздохнул и поплёлся дальше, опустив разбойничью морду к самой земле, вихляя всеми позвонками и выставив тощие лопатки над облезлыми рёбрами.

Однако на трамвайной остановке покорность его кончилась. Он упрямо мотал башкой и упирался всеми четырьмя лапами. А когда подкатил трамвай, пёс так заголосил, что Вовка от неожиданности выронил верёвку. До дому пришлось добираться пешком.

В парадном Вовкиного дома стюдебекер с неудержимой силой поволок приятелей в подвал и, только убедившись, что вход туда прочно заперт, дал втащить себя на шестой этаж.

Ехать в лифте он тоже не пожелал.

Глава седьмая

— Батюшки-светы!..

...Да что это такое! — запричитала бабуля, когда Вовка затолкал упирившегося Георгина в квартиру. — Мил мои! Да где ж ты таку страховину выискал? Да ведь это ж телок цельный! Мил мои!

— Погоди, бабуля! Мы его кашей подкормим, он ещё больше вырастет! — обнадёжил её Вовка.

— Господи! — застонала бабушка. — Да где же в таком разе мы сами ночевать-то станем?

— А что такого? — сказал отец. — «Прежде-то и не в такой тесноте живали, а всё дружнее!»

Бабушка поджала губу и ушла в свою комнату.

— Костя! — умоляюще посмотрела на отца мать. — Ну придумай же что-нибудь...

— Вот это — пардон, — сказал отец. — Что пардон, то пардон. Я умываю руки.

И действительно, ушёл в ванную бриться.

— Это не моя идея! — закричал он оттуда. — Что хотите, то и делайте!

— Вовочка! — робко предложила мама, с опаской поглядывая на Георгина. — А может, мы его накормим да и отпустим на волю?..

— На какую волю! — воскликнул Вовка. — Что он, чижик в День птиц?!

Но мама уже открыла холодильник и вытащила оттуда кусок колбасы.

— Ну-ка, собачка, собачка...

Георгин, который смущённо жался в прихожей, вдруг вздыбился, в животе у него заурчало, точно там завели небольшой тракторный мотор.

Вовке показалось, что от тарелки с колбасой до клеёнчатого псиного носа натянулась невидимая нить, прямая, как луч лазера, и Георгин пошёл-пошёл по этому лучу, перебирая кривыми задними лапами и нервно топоча передними... В какое-то неуловимое мгновение он скакнул... или мелькнул? Мама вскрикнула, тарелка разлетелась вдребезги. Георгин гамкнул, и колбасы вместе с бумагой как не бывало. Стюдебекер ошалело завертел глазами, не веря своей удаче, и со страшным воплем ринулся в раскрытый холодильник.

— Костя! Костя! — отчаянно закричала мама.

— Что такое? — Отец с намыленной щекой выскочил из ванной.

— А ну поди прочь! — Бабуля ворвалась в кухню, воинственно размахивая шваброй. — Господи! Дак ведь он весь недельный провиант сничтожит!

Георгин, урча и постанывая, жрал всё подряд вместе с полиэтиленовыми мешками и картонными упаковками. Его сутулая, с выпирающими позвонками спина дрожала от восторга. Ошалело вертелся обрубок хвоста.

— А вот я тебя, злыдню! — закричала бабуля басом, замахиваясь шваброй.

Вовка невольно зажмурился, понимая, что бабуле нет дела до уникальности бобермана и что она не дрогнет...

— А вот это, мамаша, не стоит! — услышал он вдруг спокойный голос отца.

Вовка раскрыл глаза и увидел, что швабра, только что, будто карающий меч, воздетая над

бабулиной головой, оказалась в руке отца. А сама бабуля лишь беззвучно открывает и закрывает рот, как рыба.

— Не стоит, — повторил отец.

Вовка невольно подивился не только той спокойной твёрдости, с какой была отнята швабра, но и грустным нотам, явственно звучащим в голосе отца.

Отец подождал, пока совершенно обалдевший и раздувшийся, как дирижабль, стюдебекер отвалился от опустошённого холодильника. Снял с его расписанной всеми закусками морды веточку укропа и, уверенно взяв за ошейник, сказал:

— А ну пошли! — И повёл повизгивающего от преданности и восторга Георгина в ванную.

— Владимир! Иди сюда и смотри! — позвал отец. — В дальнейшем мыть его будешь сам.

Вовка тоже пошёл в ванную.

Глава восьмая

— Але-гоп!..

...Ну! — скомандовал отец.

Георгин не понял.

— Ну! — повторил отец, чуть дёрнув за поводок. — Але-гоп!

Георгин опять не сообразил, что от него требуется. Он восторженно смотрел на отца и мотал обрубком хвоста.

— Ну, давай! Давай!

Георгин застонал от преданности, но не сдвинулся с места.

— В воду! В воду! — пояснил Вовкин отец. И для наглядности поболтал рукой в воде. — Мыться-купаться! А? Ух, хорошо! Ух...

«У-у-у-ух!» — взвыл сообразивший, к чему клонит отец, Георгин и рванул во всю мочь из ванной в коридор.

— Дверь! — страшным голосом закричал отец. — Держи дверь!

Он вцепился обеими руками Георгину в загривок, со стоном, как тяжеловес штангу, оторвал